

ЭГАЛИТАРИЗМ И СТРАТИФИКАЦИЯ В ОБЩИНАХ КОРЕННЫХ СЕВЕРЯН

М.А. Козлова*, А.И. Козлов**, А.Б. Шилов***

Традиционный уклад жизни коренных северян основан на относительном социальном и возрастном равенстве в обществе. Рассмотрены причины и специфика расслоения общества коренных северян России. Показаны различия между процессами в городах и поселках, у занятых в традиционных и «современных» видах деятельности. В школах дети сталкиваются с жесткой стратификацией, контрастирующей с традиционным укладом. Расслоение аборигенных общин расценивается как стрессор, обусловленный модернизационными изменениями.

Коренные народы Севера, социальная иерархия, экономическое расслоение, традиционное общество, модернизированное общество, традиционная педагогика.

Начавшееся в 1990-х гг. интенсивное экономическое и социальное расслоение населения Российской Федерации в первом десятилетии нового века стало одним из предметов серьезного социологического анализа [Голенкова, 2003; Максимова, 2005]. Определенная стратификация общества существовала и в СССР, но она была сравнительно слабо выражена. Формирование все более резко различающихся социальных слоев (страт) — одна из характерных черт современной России. На Севере эти процессы имеют свою специфику. Наиболее заметный момент заключается в том, что здесь принадлежность к тому или иному социально-экономическому слою зачастую связана с этничностью. Высокие уровни доходов и пребывание на руководящих постах в северных регионах — привилегия прежде всего пришлого, а не коренного (аборигенного) населения, что само по себе чревато конфликтами.

Есть еще один аспект, на который исследователи пока обращают мало внимания: стратификация и по экономическому, и по социальному признаку набирает темпы и в самих аборигенных обществах [Бурыкин, 2000; Бурыкин, Шарина, 2001; Харамзин, Хайруллина, 2002]. «Верхние» страты формирует местная национальная элита, более или менее успешно встраивающаяся в политические и административные структуры и получающая доступ к финансовым потокам. «Нижние» слои объединяют подавляющую часть коренного населения, колеблющегося между бедностью и нищетой и не сумевшего в достаточной мере адаптироваться к современным условиям. Но и эти страты оказываются весьма неоднородными и в социальном, и в экономическом плане.

Расслоение аборигенных общин — во многом следствие общих модернизационных изменений. Дело в том, что традиционный уклад жизни коренных северян во многом основан на социальной и возрастной эгалитарности — относительном равенстве представителей различных групп общества. В современной психологии такие отношения, базирующиеся на ценностях доверия, уважения, толерантности и равенства, классифицируются как «горизонтальные». Они противопоставляются «вертикально-ориентированным» отношениям и обществам, основанным на борьбе за статус, состоятельности и вместе с тем — подчинении, жертвенности, лояльности [Deci, Ryan, 1985; Ryan, Deci, 2001]. Социальная эгалитарность традиционных северных обществ была обусловлена невозможностью накопления (точнее — удержания) одной семьей (родом) значительных материальных ресурсов, отчасти просто в силу условий среды обитания. Свидетельств этому зафиксировано множество; чтобы не вдаваться в детали, отошлем читателя к одной из обобщающих работ [Крупник, 1989]. В несколько упрощенном виде можно сказать, что оленеводы постоянно переходили от «богатства» к «бедности»: владельцы крупных стад периодически «разорялись» в результате падежей животных от эпизоотий, бескормицы, тяжелых погодных условий, а малоимущие оленеводы в результате мало предсказуемого стечения обстоятельств могли увеличивать поголовье своих стад. Морской зверобойный промысел, обеспечивавший в отдельные годы возможность накопления значительного прибавочного продукта, также не был гарантией регулярного поступления ресурсов из-за изменений численности и путей миграции морских млекопитающих, неблагоприятной ледовой обстановки и т.п. [Крупник, 1989, 2000].

Конечно, социальный уклад аборигенных групп предполагал определенные, часто весьма сложные, иерархические взаимоотношения между их членами (наиболее ярким подтверждением может служить наличие, пусть в зачаточном состоянии, института рабства у некоторых северных народов). Однако эта иерархия оставалась значительно менее «жесткой», чем в современных им обществах России — от Великого княжества Московского до СССР. В результате как сборщики ясака в период «покорения Сибири» XVI–XVII вв. не всегда могли идентифицировать «инородческих князцев» и «лучших людей», так и представители рабоче-крестьянских инспекций в ходе коллективизации 1930-х гг. испытывали сложности при выполнении разнарядок «по выявлению и ликвидации кулаков» в том или ином стойбище (см.: [Слэзкин, 2008]).

Естественно, что по мере включения северян в царскую, имперскую, а затем советскую административную и экономическую системы структура их обществ менялась, а внутригрупповая иерархия становилась все более выраженной. Так, развитие товарного оленеводства (несомненными лидерами которого были коми-ижемцы) вело не только к обострению противоречий на межэтническом уровне (тяжбы коми с саамами, в ряде случаев напряженные отношения с ненцами), но и к имущественному расслоению внутри общин.

Принципиальные перемены, в первую очередь социальные, начались в 1920-х гг., и наиболее активно проявились в 1930-х. Связаны они были с принятым курсом на «коренизацию» [Оширов, 1930]: создание национальных пролетарских кадров, «на которые Советская власть могла бы полностью и безоговорочно положиться в своей грандиозной работе по построению социализма» [Тахо-Годи, 1930]. Ход, формы и методы кампании «коренизации» рассмотрены в работе Ю. Слэзкина [2008]. Суть этого процесса заключалась в подготовке преданной группы будущих руководителей; в контексте нашей темы это означает, что формирование национальных элит, т.е. высших социальных страт, стало государственной задачей. Для ее реализации было сформировано специальное учреждение: открытый в 1925 г. Северный рабфак Ленинградского университета после преобразования в 1930 г. в Институт народов Севера, помимо педагогического, получил также отделения партийного, советского и колхозного строительства, снабжения и промышленности.

Поскольку за дело взялось тоталитарное государство, «великий перелом» социальной системы северных сообществ стал неизбежным. Вопрос касался только времени — как скоро удастся изменить «отсталый» уклад жизни северян и привести его в соответствие с требованиями социалистического государства. Но если для народов Средней Азии, например, формирование национальных элит означало по большому счету лишь адаптацию прежних социальных систем к «новым правилам игры», то для северных аборигенов оно стало принципиальным новшеством. На низшем (индивидуальном, родовом) уровне традиционная система отношений северян была лабильной и гибкой, ориентированной на поддержание баланса не только между людьми, но и между человеком и средой обитания. При изменении природных условий богатый и влиятельный род мог обеднеть, и его место относительно бесконфликтно занимал другой, причем овладение «управленческой деятельностью» не требовало специального обучения: обычаи были известны всем. Государственные структуры подобной «текучести кадров» допустить не могли, в том числе и потому, что на обучение элиты, ее профессиональную и идеологическую подготовку тратились значительные средства. Следовательно, северяне, оказавшиеся (часто — довольно случайно) в верхних социальных слоях своих этнических обществ, должны были оставаться «элитой» на протяжении всего периода своей трудовой активности, а по сути — пожизненно.

Новый принцип «постоянства социальной стратификации» в условиях Советского государства усваивался в первую очередь представителями национальных элит и гораздо слабее — «тундровиками»: оленеводами, охотниками, рыболовами. Они более или менее успешно пытались адаптировать к новым условиям традиционные формы ведения хозяйства и отношений. Еще в конце 1950-х гг., когда сплошная коллективизация в северных регионах СССР уже завершилась и частные пастбищные угодья и стада оленей формально перешли в колхозную собственность, бывшие владельцы продолжали их выпасать и считать своими [Задорин, 2008]. Подобная ситуация складывалась и у охотников-рыболовов западно-сибирского Севера: ханты и манси, сведенные в колхозные рыболовецкие бригады и артели, зачастую оставались на традиционных родовых местах вылова — «рыболовецких песках» [Шевелев, 1987]. Стратификация советского общества была сравнительно слабо выраженной и в экономическом плане: разрыв между «обеспеченными» и «малообеспеченными» был сравнительно невелик, а «богатых», по сути, не существовало. Поэтому для пастухов, охотников и рыболовов более ощутимой стано-

Эгалитаризм и стратификация в общинах коренных северян

вилась разница между ними, «тундровиками», и «поселковыми» — северянами, «переведенными на оседлость», живущими и работающими в населенных пунктах.

Но уже в советский период специфические социальные страты стали формироваться и у жителей поселков. Одну из них составили представители «современных» профессий (медики, работники школ и предприятий связи, сельская администрация), другую — многочисленные люмпенизированные аборигены (в советское время практически все «числившиеся» на какой-либо службе, но по сути полубезработные), теснее связанные с тундровиками и живущие отчасти за счет эксплуатации природных ресурсов.

В постсоветской России это расслоение стало нарастать, что подтверждают, в частности, результаты наших исследований конца 1990-х — начала 2000-х гг. Поскольку настоящая статья носит обзорный характер, мы не приводим детального описания примененных методик: это сделано в опубликованных ранее работах [Козлова, 2004; Kozlov et al., 2003, 2007]. Укажем лишь, что объектом исследования стали группы хантов и манси, проживающих в национальных поселках Устрем, Теги, Пугоры, Шайтанка и Ванзетур Березовского района Ханты-Мансийского АО. Общий объем выборки — 331 чел., из них на вопросы о денежных доходах ответили 146 (предложенная анкета включала разделы социологической, психологической и экономической направленности).

Как показало проведенное исследование, доходы вовлеченных в «традиционные» и «современные» («модернизированные») виды деятельности северян практически не различались, но оценка своего «места в обществе» и «качества жизни» была разной. По данным на 1999 г., в фокусной группе хантов и манси среднемесячный денежный доход представителей «модернизированной» группы составлял 790 руб., тогда как в «традиционной» группе — 535 руб. Разница в 255 руб. не могла оказать существенного влияния на экономику семьи, ориентирующейся на «монетарный» тип отношений, из-за высоких цен на покупные продукты и товары первой необходимости (одежду, снаряжение для охоты и рыбалки, бензин и т.п.). Например, 1 кг хлеба, наиболее востребованного покупного продукта, стоил в то время в обследованных поселках около 8 руб. Соответственно не выявлялось заметных различий в удовлетворенности уровнем доходов между представителями «модернизированной» и «традиционной» групп коренного населения. В обеих группах примерно треть респондентов оставалась не удовлетворенной своими доходами и около 2/3 считали их средними, «как у других». Но при этом самооценка удовлетворенности имущественным положением у представителей «современных» и «традиционных» видов деятельности различалась. Таковое считали достаточным около 40 % респондентов из представителей администрации, медиков, учителей и работников торговли (они полагали, что имеющегося у них имущества «умеренно достаточно» или «вполне достаточно») и всего 27 % опрошенных членов семей охотников и рыбаков.

Маловероятно, чтобы чуть более высокие денежные доходы представителей «модернизированной» группы позволяли им заметно улучшать свое имущественное положение. Все обследованные нами представители коренного населения ХМАО оказались за официально установленной чертой бедности. По-видимому, у живущих в поселках представителей «модернизированной» и «традиционной» групп северян различия в самооценке достаточности имеющегося имущества определяются не только разницей в денежных доходах.

Тот факт, что влияние дохода на «субъективное благополучие» незначительно, достаточно известен [Kahneman et al., 2006]. Важен не сам доход, а его изменение (например, значительный эффект оказывает такое событие, как выигрыш в лотерею). По-видимому, и для коренных северян, чей доход на протяжении длительного времени остается стабильно низким, его роль в определении «субъективного благополучия» невелика и не является определяющей. Но сельская администрация, учителя, медики и работники торговли больше вовлечены в систему отношений «современного» типа и не столь напряженно чувствуют себя в изменившемся мире. В результате при таких же денежных доходах, как у охотников и рыболовов, они гораздо успешнее в имущественном обеспечении своих семей, что смягчает чувство дискомфорта. В экономике и социологии этот феномен обозначается как «иллюзия фокусирования» при оценке субъективного благополучия [Schkade, Kahnemann, 1998]. При оценке своего состояния человек «фокусируется» на одном из факторов и придает ему большее значение, чем тот имеет на самом деле. Вероятно, вовлеченность в административные структуры или обладание «современными» профессиями сами по себе поднимают самооощение человека.

«Фокусирование» влияет на оценку субъективного благополучия особенно сильно в тех ситуациях, когда индивид сравнивает себя с живущими рядом членами общества, не вовлеченными в деятельность, которую он считает важной. Человек склонен измерять свое благосостояние не в абсолютных величинах (доход), а в сравнении с общественным/материальным положением своего соседа [Duesenberry, 1949]. Из этого следует, что проживающие в одном поселке, но занятые в разных видах деятельности манси или ханты оценивают свое «благополучие» относительно ближайших соседей, причем вхождение в «современные» роды деятельности (торговлю, медицину, образование, управление) само по себе воспринимается ими как факт, свидетельствующий об относительном благополучии. Развивая эту мысль, приходится заключить, что даже для поселковых аборигенов традиционная деятельность эмоционально окрашена в негативные оттенки. Такие виды активности, как оленеводство, часто декларируются северянами как «важная» и даже «необходимая» сфера занятий, но участвовать в ней лично они не желают. Характерна ситуация, наблюдаемая одним из авторов в 1995 г. В беседе с журналисткой из Финляндии, при которой он присутствовал в качестве переводчика, очень уважаемая активистка одной из ассоциаций кольских саамов, жительница села, с жаром отстаивала необходимость выделения в личную собственность каждому сааму не менее 10 оленей. Но на вопрос, хотела бы она, чтобы ее сын в таком случае сам выпасал свое стадо, столь же эмоционально ответила — конечно, нет, это слишком тяжелая работа.

Но если стратификация среди жителей национальных северных поселков еще довольно слаба, то живущие преимущественно в городах представители национальных элит составляют совершенно особый социальный слой. Наиболее яркие его представители — поколение северян, «прошедших все ступени советского образования и получивших дипломы учителей или, в самых многообещающих случаях, должность национальных писателей. Они... стали полноправными (и до поры до времени ревностными) членами советской “творческой интеллигенции”» [Слезкин, 2008, с. 367–368]. Представители именно этой социальной страты в постсоветский период сплотились в группировки, ведущие борьбу за властные позиции в экономике, политике, образовании, науке и культуре как в северных регионах, так и в местах компактного проживания северных диаспор — крупных городах. Их роль очень неоднозначна. С одной стороны, именно они в конце 1980-х — начале 1990-х гг. стали наиболее яркими и «громкими» информаторами общественности, привлекая внимание к тяжелому положению северян. С другой, именно эти «профессиональные аборигены», проживающие в областных центрах, Москве и Петербурге, — администраторы, педагоги, медработники и литераторы из числа северян, в семьях которых родные языки и культура практически утрачены, активнее других требуют принятия протекционистских мер по этническому признаку. В результате именно северная интеллигенция превращается в один из основных источников межэтнической напряженности как в регионах, так и в диаспорах [Бурыкин, 1998, 2000].

Разрыв между социальными стратами современных северян усугубляется под влиянием неожиданного на первый взгляд обстоятельства: ухода от исторически сложившихся в арктических культурах взаимоотношений детей и взрослых.

В прошлом у арктических аборигенов, как и в других традиционных культурах, дети не рассматривались как «подчиненная» часть общества. Причина во многом в том, что в таких группах дети принадлежали не столько семье биологических родителей, сколько всему связанному родственными узами сообществу, в котором они родились, вскармливаются, воспитываются и обучаются [Кон, 2010]. В традиционной культуре ребенок с момента рождения оказывался окруженным большим количеством взрослых, ориентированных на заботу о нем. Это дополнительное внимание и опека обеспечивались институтом «социальных родителей» [Волдина, 2000; Бутинов, 1992]. Не только отец и мать, но и большой круг других взрослых обязаны были заботиться о ребенке, следить за его развитием, стараться как можно чаще его видеть, т.е. принимать самое непосредственное участие в его воспитании и обучении. Ребенок, по сути, принадлежал не только своим «генетическим» родителям, но и родителям «дополнительным», всей общине. Эту ситуацию хорошо отражает поговорка коренных северян Канады: «Чтобы воспитать ребенка, нужен целый поселок». Такое «общественное воспитание» приучало детей думать о мире как о наполненной родителями среде, а не как о месте, где их безопасность и благополучие зависят от сохранения отношений только со своими непосредственными предками [Мид, 1988]. Но, став взрослыми, дети должны были, в свою очередь, проявлять заботу не только о своих биологических, но и о социальных родителях, т.е. о значительном количестве

Эгалитаризм и стратификация в общинах коренных северян

членов общества. Этот путь развития личности значительно сглаживал и возрастные, и социальные барьеры [Бурыкин, Шарина, 2001].

«Народная педагогика» в принципе исключает профессию педагога и оказывается эффективной только тогда, когда этнос не знает социопрофессиональной дифференциации [Бурыкин, 1998]. В современном же обществе ключевыми фигурами в воспитании ребенка считаются его биологические родители и люди, профессионально занимающиеся образованием, — учителя. В школах, и в особенности в интернатах, дети северян оказывались в обществах, жестко стратифицированных как в возрастном, так и в социальном плане (старший учитель/воспитатель — младший ученик/воспитанник), резко контрастирующих с традиционным укладом.

Советское/российское педагогическое образование (как и стандартная педагогика «европейского» образца в целом) во многом построено на принципе такой возрастной и социальной стратификации. Авторитарный стиль не только преподавания, но и поведения педагогов закладывается еще в период обучения в специальных и высших учебных заведениях. Проблему, однако, представляет тот факт, что современные северные национальные элиты представлены преимущественно людьми с дипломами учителей. Общественные деятели, политики, работники административного аппарата из числа интеллигенции малочисленных этносов Севера РФ все больше отрываются от «своих» народов не только в силу языковых и культурных барьеров, но и из-за профессионально взращенной авторитарности поведения.

Нарастающая по многим причинам экономическая и социальная стратификация арктических народов ведет к тому, что и без того малочисленное общество коренных северян раскалывается на миры, живущие по-разному и имеющие разные цели и приоритеты.

Коренные народы Севера России все сильнее вовлекаются в процесс урбанизации. Согласно результатам переписей, за 40 лет (с 1959 по 2002 г.) доля проживающих в городах аборигенов увеличилась втрое: с 10 до 28,1 %. Темпы урбанизации у северян РФ даже выше, чем у индейцев США (у них доля городских жителей в 1960 г. составляла 5 %, в 1990 — 20 %) [Kunitz et al., 2000]. Хотя межэтнические различия в уровне урбанизованности российских северян очень велики (в 2002 г. среди 20 народов с численностью, превышающей 1000 чел., наименьший процент горожан зафиксирован у селькупов — 14,91 %, наибольший — у манси: 49,99 %), в том, что город становится для них все более притягательным, сомневаться не приходится. Об этом свидетельствует ситуация в Ханты-Мансийском АО — экономически благополучном регионе, который можно рассматривать как одну из «моделей» социальных преобразований общин коренных северян. В 1979 г. в городах ХМАО проживало 24,1 % всего аборигенного населения, в 1989 — 38,9 %, а в 2004 г. — уже 43,5 % (расчеты выполнены по данным, приведенным на веб-сайте: Ханты-Мансийский АО, 1998–2005 (<http://www.admhmao.ru>)).

Основные мотивы, побуждающие аборигенов к миграции в города, рассмотрены в ряде работ [Харамзин, Хайруллина, 2002; Козлова, 2004; Слѣзкин, 2008; Kozlov et al., 2007]. Обобщая эти данные, приходим к выводу о том, что в современной российской ситуации урбанизация не представляет опасности для этнической самоидентификации представителей коренного малочисленного населения Севера. Но в городах подавляющее большинство северных аборигенов попадает в сложные для социальной адаптации условия. В инокультурном (и отчасти иноязычном) окружении они оказываются оторванными от привычной среды, что усиливает явления социально-психологической дезадаптации. Более половины (60 %) переехавших в город для учебы хантов и манси низко оценивают свой социальный статус, испытывают чувство неудовлетворенности своим окружением (семьей и сверстниками) и выполняемой работой [Козлова, 2004; Kozlov et al., 2007].

Осложняет ситуацию и необходимость поиска работы; правда, и в этом отношении региональная специфика очень велика. В городах Ханты-Мансийского АО, например, проблемы трудоустройства и безработицы коренных северян менее остры, чем в сельской местности. Соответственно городские ханты и манси субъективно воспринимают свое материальное положение более благоприятно по сравнению с жителями поселков. Находящиеся в более стабильной социально-экономической ситуации горожане склонны и к более позитивным по сравнению с жителями поселков оценкам своей этнической принадлежности [Харамзин, Хайруллина, 2002].

Итак, сегодня практически каждый третий представитель аборигенных народов Севера РФ живет не в тайге или тундре, а в городе, и, следовательно, его образ жизни уже далек от традиционного. Учитывая наиболее общие тенденции развития «мира коренных народов Севера»,

считаем, что, по крайней мере, в ближайшие десятилетия процесс урбанизации будет охватывать все большее число северян.

Но удовлетворить свои базовые психологические потребности в автономии, компетентности и социальной принадлежности (и тем самым приблизиться к ощущению счастья) люди могут только при адекватном поведении в среде, обеспечивающей такому поведению социальную поддержку [Deci, Ryan, 1985; Ryan, Deci, 2001]. Исторически присущий северянам «горизонтально-ориентированный» вариант отношений (характерными элементами которого являются эгалитарность и коллективистская ориентация [Inkeles, Smith, 1974]) дает человеку ощущение компетентности и включенности на уровне как малых групп, так и больших социокультурных сообществ. Но эгалитарное общество, построенное на принципе «горизонтальных» отношений, оказывается дезадаптивным в «модернизированном» (особенно «городском») мире, ориентированном на «вертикальный» тип связей и во многом являющемся его продуктом. «Вертикально-ориентированные» отношения, отвечающие требованиям и установкам культур «модернизированного» мира, создают разные социальные реальности для тех, кто стоит на вершине социальной иерархии и на ее нижних ступенях [Cockerham, 1999]. С этих позиций расслоение аборигенных общин следует рассматривать как специфический стрессор, обусловленный модернизационными изменениями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бурыкин А.А. Рец. на кн.: Народы севера: Языки, культура, образование. Образование как фактор развития языков и культур этнических меньшинств: Материалы междунар. семинара. СПб., 1998. 301 с. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.zaimka.ru/review/narodysevera_review.shtml.

Бурыкин А.А. Рец. на кн.: Коренные малочисленные народы России на пороге XXI века: Проблемы, перспективы, приоритеты: Материалы Всерос. конгр. Москва, 3–5 дек. 1999 г. СПб: Просвещение, 2000. 319 с. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.zaimka.ru/review/kongress_review.shtml.

Бурыкин А.А., Шарина С.И. Между Востоком и Западом: Народы российской Арктики на рубеже тысячелетий // Путь Востока. Проблема методов: Материалы IV Молодеж. науч. конф. по проблемам философии, религии, культуры Востока. Сер. Symposium. Вып. 10. СПб.: С.-Петербург. филос. общество, 2001. С. 89–91.

Бутинов Н.А. Детство в условиях общинно-родового строя // Этнография детства. Традиционные методы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии. М., 1992. С. 5–16.

Волдина Т.В. Родильная и погребально-поминальная обрядность казымских хантов // Этнография народов Западной Сибири: К юбилею д-ра ист. наук, проф. З.П.Соколовой. М., 2000. Вып. 10. С. 190–198.

Голенкова З.Т. (ред.). Социальная стратификация российского общества. М.: Летний сад: Ин-т социологии РАН, 2003. 365 с.

Задорин В.И. Из истории похода чукчей в коммунизм и обратно // Тропюю Богораза: Науч. и лит. материалы / Л.С.Богословская, В.С.Кривошеков, И.И. Крупник (сост., ред.). М.: Ин-т Наследия — ГЕОС, 2008. С. 127–130.

Козлова М.А. Взаимосвязь этнической идентичности, толерантности и личностной зрелости (на примере молодежных групп обских угров и русских): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 23 с.

Кон И. Мальчик — отец мужчины. М.: Время, 2010. 704 с.

Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989. 272 с.

Крупник И.И. Пусть говорят наши старики: Рассказы азиатских эскимосов-юпик: Записи 1977–1987 гг. М.: Ин-т Наследия, 2000. 528 с.

Максимова Т.М. Социальный градиент в формировании здоровья населения. М.: ПЕР СЭ, 2005. 240 с.

Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 429 с.

Оширов А. Коренизация в советском строительстве // Революция и национальности. 1930. № 4/5. С. 110–115.

Слэзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Нов. лит. обозрение, 2008. 512 с.

Тахо-Годи А.А. Подготовка вузовских кадров нацмен // Революция и национальности. 1930. № 6. С. 83.

Харамзин Т.Г., Хайруллина Н.Г. Традиционный уклад и образ жизни обских угров (по материалам социологических исследований). М.: ИКАР, 2002. 296 с.

Шевелев Б.К. Проблемы интеграции отраслей в северном агропромышленном комплексе // Проблемы современного социального развития народностей Севера / В.И. Бойко, Ю.П. Никитин, А.И. Соломаха (ред.). Новосибирск: Наука, 1987. С. 111–118.

Cockerham W. C. Health and social change in Russia and Eastern Europe. N. Y.: Routledge, 1999. 284 p.

Deci E. L., Ryan R. M. Intrinsic motivation and self-determination theory of human behavior. N. Y.: Plenum, 1985. 388 p.

Эгалитаризм и стратификация в общинах коренных северян

Duesenberry J. Income, saving, and the theory of consumer behavior. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1949. 154 p.

Inkeles A., Smith D. H. Becoming modern: Individual Change in Six Developing Countries. Cambridge, MA: Heinemann, 1974. 436 p.

Kahneman D., Krueger A. B. Developments in the measurement of subjective well-being // *Journ. Econ. Perspect.* 2006. № 20. P. 3–24.

Kozlov A., Vershubsky G., Kozlova M. Stress under modernization in indigenous populations of Siberia // *Intern. Journ. Circumpol. Health.* 2003. 62 (2). P.158–166.

Kozlov A., Vershubsky G., Kozlova M. Indigenous peoples of Northern Russia: Anthropology and health. Oulu: Circumpolar Health Supplements, 2007 (1). 184 p.

Kunitz S. J., Levy J. E., Gabriel K. R. et al. Drinking, conduct disorder, and social change: Navajo experiences. N. Y.: Oxford Univ. Press, 2000. 262 p.

Ryan R. M., Deci E. L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // *Amer. psychologist.* 2001. 55 (1). P. 68–78.

Schkade D.D., Kahneman D. Does living in California make people happy? A Focusing illusion in judgments of life satisfaction // *Psychol. Sci.* 1998. № 9. P. 340–349.

*Москва, Государственный университет «Высшая школа экономики»
makozlova@yandex.ru

**Пермский государственный педагогический университет
aikozlov@narod.ru

***Нюрнберг, Институт по изучению рынка труда,
Регенсбургский университет, Германия
ZRK1@yandex.ru

A traditional lifestyle with native Northern peoples is based on a relative social and age parity. Subject to consideration being reasons and specificity of social stratification with Russian Northern peoples. The article shows differences between processes in cities and settlements, as well as with people occupied in traditional and «modern» activities. In schools children come across harsh stratification contrasting their traditional lifestyle. Stratification of indigenous communities is regarded as a stressor due to modernization changes.

Northern indigenous peoples, social hierarchy, economic stratification, traditional society, modernized society, traditional education science.